
**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ**

**СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА РОССИИ В 1990–2000-е годы
(ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ)***

© 2015 г. В.Н. Иванов, Ю.В. Овсиенко, Н.Н. Сухова

(Москва)

Представлена вторая статья в серии публикаций, посвященных анализу процессов развития социальной сферы России в 1990–2000-е годы. В работе рассматриваются тенденции в трудовой деятельности российского населения, занятости по секторам и отраслям экономики; анализируются условия жизни разных групп населения, уровень неравенства в распределении доходов.

Ключевые слова: социальная сфера, тенденции развития, трудовая деятельность, рынок труда, неформальный сектор, распределение доходов, уровень бедности.

Классификация JEL: I00.

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Радикальные экономические преобразования привели к серьезной трансформации трудовой деятельности населения России. Это касается практически всех ее составляющих: содержания и условий труда, уровня его оплаты, характера трудовых отношений, структуры занятости по секторам и отраслям экономики, общего уровня экономической активности, занятости и безработицы. На основе анализа динамики показателей, характеризующих трудовую деятельность российского населения, представляется целесообразным рассмотреть два временных интервала: 1990-е и 2000-е годы.

1990-е годы. В пореформенный период в условиях глубокого и затяжного экономического спада, продолжавшегося вплоть до 1999 г., наблюдалось значительное ухудшение показателей экономической активности населения, занятости и безработицы, – т.е. основных показателей, характеризующих ситуацию на рынке труда¹. Как видно из данных, представленных в табл. 1, в рассматриваемом периоде занятость в экономике быстро сокращалась, а безработица, почти полностью отсутствовавшая в советский период, к концу 1990-х годов выросла до уровня в 13% численности экономически активного населения.

В отличие от стран с развитой рыночной экономикой быстрый рост безработицы в России в 1990-е годы означал не просто ухудшение материального положения растущего числа людей, не имеющих работы, а практически лишение их средств существования: в службах занятости регистрировалась и получала пособия по безработице лишь незначительная часть безработных (в 1999 г. – 14 и 12% соответственно). На грань выживания были поставлены не только безработ-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 13-02-00278).

¹ Данные показатели рассчитываются на основе данных обследований населения по проблемам занятости (ОНПЗ), проводимых начиная с 1992 г. В соответствии с принятой методологией уровень экономической активности рассчитывается как отношение численности экономически активного населения (сумма занятых и безработных) к общей численности населения в возрасте 15–72 лет; уровень занятости – как отношение численности занятых к общей численности населения в возрасте 15–72 лет, а уровень безработицы – как отношение численности безработных к численности экономически активного населения. При этом занятыми считаются лица, которые выполняли работу по найму за вознаграждение, а также не по найму для получения прибыли или семейного дохода. Безработными считаются лица, которые не имели работы (доходного занятия), занимались поиском работы и были готовы приступить к ней.

Таблица 1. Основные показатели рынка труда в 1992–1999 гг.*

Показатель	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Численность экономически активного населения, млн человек	75,1	72,8	70,6	70,7	69,7	68,3	67,4	72,4
Занятые в экономике, млн человек	71,2	68,5	64,9	64,0	63,0	60,2	58,5	62,9
Безработные, млн человек	3,9	4,3	5,7	6,7	6,7	8,1	8,9	9,4
Уровень экономической активности, %	70,7	68,4	65,9	65,1	63,9	62,2	61,1	65,3
Уровень занятости, %	67,1	64,3	60,5	59,0	57,7	54,9	53,0	56,8
Уровень безработицы, %	5,2	5,9	8,1	9,4	9,7	11,8	13,3	13,0

* Показатели, представленные здесь и далее, кроме особо указанных случаев, приводятся в соответствии с данными Госкомстата РФ (www.gks.ru).

Таблица 2. Показатели заработной платы работников организаций

Показатель	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Реальная начисленная заработная плата, % к 1991 г.	67	69	62	45	48	50	43	34
Коэффициент фондов (соотношение средней заработной платы 10% наиболее высоко оплачиваемых и 10% работников с наиболее низкой оплатой труда)	Нет данных	Нет данных	23,0	25,8	23,6	25,5	Нет данных	32,1
Удельный вес работников с заработной платой ниже прожиточного минимума, %	Нет данных	Нет данных	27	43	29	40	Нет данных	45

ные, но и большая часть населения, в том числе занятые в экономике. Средняя заработная плата работников организаций (в официальной статистике отсутствует показатель средней заработной платы занятых в экономике в целом) на протяжении 1990-х годов постоянно снижалась, а при одновременном росте ее дифференциации увеличивалась численность работников с заработной платой ниже уровня физиологического прожиточного минимума. В результате к 1999 г. средняя реальная начисленная заработная плата работников организаций сократилась по сравнению с 1991 г. в три раза; при этом почти половина работников стали получать заработную плату ниже уровня прожиточного минимума (табл. 2). Обычным явлением стали в 1990-е годы и многочисленные задержки выплат заработной платы.

Можно констатировать, таким образом, что результатом радикальных экономических реформ, так называемой шоковой терапии, стало действительно шокирующее, катастрофическое ухудшение ситуации в трудовой сфере, обусловившее рост социально-психологической напряженности в результате неспособности населения адаптироваться к новым экономическим условиям. Именно социально-психологический стресс и стал основной причиной резкого роста смертности в 1990-е годы². Вместе с тем население, по-видимому, стало постепенно приспосабливаться к новым реалиям и выбрало в качестве стратегии выживания развитие экономики самообеспечения. Эта стратегия была реализована с помощью специфического для России механизма нестандартной занятости, а именно – производства продовольствия (и иной продукции) в домашних хозяйствах для собственного потребления³.

Данные о численности занятых производством продовольствия для собственного потребления в официальной статистике до 1999 г. отсутствовали. Это объясняется тем, что в соответствии с методологией ОНПЗ лица, трудовая деятельность которых ограничивалась лишь само-

² Эта ситуация рассмотрена нами в предыдущей статье, посвященной анализу социальной сферы России (Иванов, Овсиенко, Сухова, 2014).

³ Данная проблема подробно анализируется в работе (Капелюшников, 2005).

обеспечением, классифицируются как незанятые, т.е. как безработные, или как экономически неактивные⁴. По этой причине, по-видимому, в ОНПЗ, проведенных в 1992–1998 гг., отсутствовали вопросы о занятости производством продукции для собственного использования, а соответствующий блок вопросов был включен в анкеты обследования лишь в 1999 г.

Согласно данным ОНПЗ 1999 г. общая численность занятых производством сельскохозяйственной продукции в домашних хозяйствах составила 22,1 млн человек, т.е. данным видом трудовой деятельности был занят каждый пятый житель России в возрасте 15–72 лет⁵; при этом производством продукции только для собственного использования, т.е. занятых в натуральных хозяйствах, – 15,4 млн человек. Более того, формулировка соответствующих вопросов в обследовании 1999 г. была такой, что они воспринимались респондентами как относящиеся лишь к сельским жителям. После корректировки этих вопросов в 2001 г. численность занятых производством продукции в домашних хозяйствах возросла, по данным ОНПЗ, до 25,3 млн человек, в том числе занятых в натуральных хозяйствах – до 23,5 млн.

Масштабы занятости населения России в производстве продукции в домашних хозяйствах не имеют прецедентов в экономически развитых странах. “Трудно было предполагать, – как справедливо отмечал Р. Капелюшников, – что в такой индустриализованной и урбанизированной стране, как Россия, располагающей высокообразованной рабочей силой, может существовать гигантский анклав экономики самообеспечения”. Возникновение такого огромного анклава следует считать одним из результатов радикальных реформ в экономике. При этом можно констатировать, что выбранная населением стратегия выживания оказалась, по-видимому, оправданной, обеспечив в условиях шоковой терапии хотя бы относительную продовольственную безопасность многих семей: по данным обследований бюджетов домохозяйств, в 1997–1999 гг. доля поступлений натуральных продуктов питания в общей стоимости питания всех домохозяйств составляла 15–18%, а домохозяйств в сельской местности – 37–46%. Заметим также, что при очевидно низком уровне производительности тяжелого физического, ручного труда в домашних хозяйствах его доля в общем объеме производства сельскохозяйственной продукции в 1999 г. по сравнению с 1990 г. значительно увеличилась: в производстве картофеля – с 66 до 92%, овощей – с 33 до 77%, скота и птицы на убой – с 25 до 59%, молока – с 24 до 50%.

Мы намеренно столь подробно рассмотрели феномен занятости производством продукции в домашних хозяйствах, так как именно он наглядно характеризует основную тенденцию 1990-х годов – примитивизацию экономики и, соответственно, примитивизацию трудовой деятельности населения.

С досчетом численности занятых только производством продукции для собственного потребления, т.е. не имевших других доходных занятий, общая среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве составила в 1999 г. 16,5 млн человек, или 23% среднегодовой численности (с учетом указанного досчета) занятых в экономике. При этом занятость в сельском хозяйстве стала выше, чем в промышленности, среднегодовая численность занятых в которой сократилась с 22,4 млн человек в 1991 г. до 14,3 млн в 1999 г.

2000-е годы. В рассматриваемом периоде вплоть до 2009 г. наблюдались относительно высокие темпы роста российской экономики, в результате чего отмечалась и положительная динамика основных показателей рынка труда (табл. 3). При этом, как видно из представленных ниже данных, финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. не привел к резкому ухудшению ситуации, и она относительно быстро стабилизировалась в последующие годы.

Рост экономической активности и занятости населения сопровождался в 2000-е годы также ростом заработной платы работников организаций (табл. 4). Наиболее высокие темпы роста оплаты труда наблюдались в 2000–2007 гг., в результате чего в 2007 г. средний размер реальной начисленной заработной платы достиг уровня дореформенного 1991 г. В то же время, несмотря на снижение дифференциации заработной платы, ее уровень сохранялся достаточно высоким,

⁴ Такая трактовка противоречит, на наш взгляд, методологии системы национальных счетов (СНС), согласно которой продукция, производимая для собственного потребления, включается в объем ВВП и квалифицируется как выпуск нерыночных некорпорированных предприятий, принадлежащих домашним хозяйствам.

⁵ По данным переписи 2002 г., численность данной возрастной когорты населения составляла около 109 млн человек.

Таблица 3. Основные показатели рынка труда в 2000–2012 гг.

Показатель	2000	2001	2003	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Численность экономически активного населения, млн человек	72,8	71,6	72,3	73,5	75,3	75,7	75,7	75,5	75,8	75,7
Занятые в экономике, млн человек	65,1	65,1	66,3	68,3	70,8	71,0	69,4	69,9	70,9	71,5
Безработные, млн человек	7,7	6,4	5,9	5,2	4,5	4,7	6,3	5,5	4,9	4,1
Уровень экономической активности, %	65,5	64,2	64,7	66,0	67,1	67,4	67,6	67,7	68,3	68,7
Уровень занятости, %	58,5	58,4	59,4	61,3	63,1	63,2	62,0	62,7	63,9	64,9
Уровень безработицы, %	10,6	9,0	8,2	7,1	6,0	6,2	8,3	7,3	6,5	5,5

Таблица 4. Показатели заработной платы работников организаций

Показатель	2001	2003	2005	2007	2009	2011	2013
Реальная начисленная заработная плата, % к 2000 г.	120	154	192	245	263	285	325
Реальная начисленная заработная плата, % к 1991 г.	49	63	79	100	108	117	133
Коэффициент фондов	39,6	30,0	24,9	22,1	14,7	16,1	15,8
Удельный вес работников с заработной платой ниже прожиточного минимума, %	44	36	28	19	14	14	9

вследствие чего заработки значительной части работников оставались крайне низкими. Так, в 2007 г. средняя заработная плата равнялась 4,2 прожиточного минимума трудоспособного населения, однако при этом каждый пятый работник получал заработную плату ниже прожиточного минимума. К настоящему времени доля работников с заработной платой, не превышающей уровень прожиточного минимума, существенно сократилась, однако удельный вес низкооплачиваемых работников в их общей численности⁶ в России и в настоящее время (29% – в 2013 г.) – значительно выше, чем в большинстве экономически развитых стран (в среднем по странам ОЭСР он составил 16% в 2012 г. (OECD, 2014)).

Начиная с середины двухтысячных годов, т.е. в период восстановления дореформенного уровня доходов населения, наблюдалось и очевидное снижение занятости в экономике самообеспечения (табл. 5). Такая тенденция была обусловлена, по-видимому, как улучшением ситуации на рынке труда, так и тем, что в условиях роста доходов населения и отсутствия дефицита товаров на продовольственном рынке самообеспечение продуктами питания стало для многих семей менее актуальным. Так, если в 2004 г. доля натуральных поступлений продовольствия в общей стоимости питания всех домохозяйств составляла 19%, а домохозяйств в сельской местности – 35%, то в 2013 г. эти показатели снизились до 10 и 23% соответственно.

Вместе с тем и существующий в настоящее время уровень занятости в производстве сельскохозяйственной продукции для собственного потребления представляется необоснованно высоким. С досчетом численности занятых только в натуральных хозяйствах, т.е. не имевших других доходных занятий, общая среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве составила в 2013 г. 11,8 млн, или 16% среднегодовой численности (с учетом указанного досчета) занятых в экономике.

Как мы уже отмечали ранее, основной тенденцией 1990-х годов была примитивизация трудовой деятельности населения. Несмотря на сокращение занятости в производстве продукции для собственного потребления, эта тенденция сохранилась и в 2000-е годы. Одним из главных свидетельств этого является динамика занятости по двум группам хозяйствующих субъектов.

⁶ По международным стандартам, низкооплачиваемыми считаются работники, заработная плата которых не превышает 2/3 медианной заработной платы.

Таблица 5. Занятость населения производством продукции в домашних хозяйствах, млн человек

Год	Всего	В том числе			
		для реализации		для собственного потребления	
		Всего	Занятые только этим видом деятельности	Всего	Занятые только этим видом деятельности
2001	25,3	1,8	0,9	23,5	10,5
2006	24,8	4,2	2,4	20,6	8,9
2010	18,5	2,7	1,5	15,8	6,5
2013	16,2	2,8	1,6	13,4	5,5

Таблица 6. Динамика занятости в организациях и неформальном секторе в 2000-е годы

Показатель	2000	2003	2005	2007	2009	2011	2012
Занятые в организациях, млн человек	51,2	49,4	48,2	48,9	47,4	45,9	45,9
Занятые в организациях, % к среднегодовой численности занятых в экономике	79	76	72	72	70	68	67
Занятые в неформальном секторе, млн человек	13,3	16,1	18,6	19,1	20,3	21,8	22,1
Занятые в неформальном секторе, % к среднегодовой численности занятых в экономике	21	24	28	28	30	32	33

В статистике труда и занятости они определены как “организации” и “неформальный сектор”. К занятым в неформальном секторе относятся занятые по найму у физических лиц и индивидуальных предпринимателей; предприниматели без образования юридического лица; занятые на индивидуальной основе (самозанятые); занятые в домашнем хозяйстве на производстве продукции, предназначенной для реализации. При этом основу неформального сектора составляют наемные работники. Как видно из представленных ниже данных (табл. 6), среднегодовая численность занятых в неформальном секторе, равная разности между среднегодовой численностью занятых в экономике и среднегодовой численностью занятых в организациях⁷, имела очевидную тенденцию роста, а численность занятых в организациях, напротив, сокращалась. В результате удельный вес неформального сектора в среднегодовой численности занятых в экономике увеличился с 21% в 2000 г. до 33% в 2012 г. В случае же досчета численности занятых производством продукции для собственного потребления показатель доли неформального сектора в среднегодовой численности занятых в экономике составил в 2012 г. 38%.

Рост занятости в неформальном секторе, в первую очередь за счет численности наемных работников, свидетельствует о примитивизации трудовой деятельности по причине правовой незащищенности наемных работников неформального сектора. Трудовые отношения здесь характеризует абсолютный диктат работодателя, а способы оплаты труда зачастую являются откровенно архаичными. Широко распространены, например, оплата по результату, противоречащая принципу оплаты по количеству и качеству затраченного работником труда, а также поденная оплата, отрицающая ценность постоянной работы и, соответственно, стабильного заработка. Другими

⁷ Росстат на основе данных ОНПЗ дает меньшую оценку численности занятых в неформальном секторе. Это объясняется тем, что люди, участвующие в опросах, зачастую идентифицируют себя с “организациями”, даже если те не являются зарегистрированными, т.е. неформальными группами (Гимпельсон, Зудина, 2011). Об этом свидетельствует и тот факт, что (по данным ОНПЗ) занятость в организациях превышает официально регистрируемую почти на 10 млн человек.

Таблица 7. Распределение субъектов РФ по показателям занятости в неформальном секторе напряженности на рынке труда и средней заработной платы работников организаций (2009 г.)

Показатель	Занятые в неформальном секторе, % к общей численности занятых в экономике			
	до 10,0	10,1–20,0	20,1–30,0	30,1 и более
Число регионов	8	31	31	12
Средний уровень безработицы, %	5,1	8,4	10,4	16,1
Среднее число безработных в расчете на одну вакансию, заявленную организациями в органы обеспечения занятости	4,2	12,9	27,2	124,2
Средняя величина заработной платы работников организаций, руб. в месяц	31 617	16 944	14 251	12 268

Источник: Иванов, Суворов, 2012.

словами, работник неформального сектора “не знает, что такое трудовой кодекс, не знаком с профсоюзами и коллективными договорами, его рабочий день отличается от нормативно провозглашенного, а используемая им технология зачастую примитивна” (Гимпельсон, Зудина, 2011).

Существуют веские основания полагать, что занятость в неформальном секторе является вынужденной. Она занимает в определенном смысле промежуточное положение между безработицей и занятостью в организациях (корпоративном секторе) и представляет собой простую альтернативу безработице, а не занятости в корпоративном секторе. Об этом свидетельствуют, в частности, расчеты, проведенные на основе статистики по регионам страны, показывающие, что занятость в неформальном секторе возрастает с ростом напряженности на рынке труда и снижением заработной платы работников организаций (табл. 7). Другими словами, она увеличивается при имеющем место (даже при низкой оплате труда в организациях) дефиците рабочих мест в корпоративном секторе, выполняя при этом функцию демпфирования дальнейшего роста безработицы в депрессивных регионах.

На тенденцию примитивизации трудовой деятельности населения в результате роста неформального сектора указывает также большой и возрастающий при этом разрыв в уровне производительности труда в организациях и секторе домашних хозяйств (по терминологии СНС), включающем занятых в неформальном секторе и натуральных хозяйствах. Согласно нашим расчетам на основе данных СНС и статистики занятости, валовая добавленная стоимость (ВДС) в основных ценах в 2002 г. в расчете на одного занятого в корпоративном секторе была в 3,1 раза выше, чем в секторе домашних хозяйств, а в 2012 г. – в 5,6 раза.

Заметим, что основанием для распространенной критики российской экономики в том, что темпы роста заработной платы в ней опережают темпы роста производительности труда, является именно высокая и растущая занятость в неформальном секторе, а также тот факт, что в соответствующих расчетах динамика ВВП оценивается для экономики в целом, а используемый в расчетах показатель средней заработной платы является показателем средней зарплаты только в организациях. Так, в текущих ценах среднемесячная заработная плата в период 2002–2012 гг. выросла в 6,1 раза, а соответствующий рост НДС в основных ценах в расчете на одного занятого в экономике – в 5,3 раза. В то же время соответствующий рост НДС в расчете на одного занятого в организациях составил 6,4 раза, т.е. был даже выше роста заработной платы.

Рост неформального сектора является, однако, не единственной характеристикой примитивизации трудовой деятельности. В корпоративном секторе в пореформенном периоде, во-первых, значительно ухудшились условия труда и, во-вторых, не наблюдалось прогрессивных изменений в структуре занятости по отраслям и секторам экономики. Так, по данным обследований условий труда в организациях⁸, удельный вес численности работников, занятых в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам, в процентах от общей численности работников уве-

⁸ Обследовались организации следующих видов деятельности: добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, строительство, транспорт и связь.

личился с 17,5 в 1993 г. до 31,6% в 2012 г.; работавших под воздействием повышенного уровня шума, ультра- и инфразвуков – с 7,3 в 1993 г. до 17,7 в 2012 г.; занятых на тяжелых работах – с 2,6 в 1993 г. до 13% в 2012 г.

Что же касается структуры занятости, то во многих отраслях, относимых по международной классификации к “экономике знаний” (knowledge intensive sectors), число рабочих мест не только не увеличилось, но и значительно сократилось. В промышленности к ним относятся машиностроение, производство электронного и оптического оборудования, химическая и фармацевтическая отрасли, производство транспортных средств, в том числе авиационных и космических. Численность занятых в соответствующих видах экономической деятельности в России сократилось за период 2000–2011 гг. на 2,2 млн человек, или более чем на 40%. К числу признанных секторов “экономики знаний”, рост численности занятых в которых является общемировой тенденцией, относятся также научные исследования и разработки и здравоохранение.

В России наблюдалась прямо противоположная общемировой тенденция: численность занятых исследованиями и разработками за указанный период снизилась на четверть, или почти на 300 тыс., а по сравнению с 1990 г. она сократилась почти на 2 млн человек, или более чем в 3 раза. В результате Россия, являвшаяся в дореформенный период страной-лидером по показателю числа исследователей в расчете на миллион жителей, заняла в 2011 г. по этому показателю лишь 23 место в мире (рассчитано по (World Bank, 2014)). Занятость в здравоохранении России незначительно увеличилась в период с 2000 по 2008 г., однако в последние годы намечилось ее сокращение (в 2013 г. численность снизилась по сравнению с 2008 г. почти на 150 тыс. человек), что также противоречит общемировой тенденции⁹. В результате по доле занятых в здравоохранении в общей численности занятых в экономике Россия в настоящее время (6,7% в 2013 г.) отстает от Австрии, Бельгии, Великобритании, Ирландии, Германии, Канады, США и Чехии в 1,5–2 раза, а от Норвегии, Финляндии, Швеции – в 2,5–3 раза (рассчитано по (Health at a Glance, 2011)).

Примитивизация структуры занятости в российской экономике особенно парадоксальна в условиях быстрого экономического роста в 2000-е годы, что во многом объясняется поведением как предпринимателей, так и государства. Анализ динамики инвестиций по направлениям свидетельствует о том, что крупный российский бизнес в “тучные нулевые” предпочитал не вкладываться в модернизацию существующих и тем более – в создание новых рабочих мест в стране, а скупать существующие активы, в том числе в возрастающих масштабах за рубежом (подробнее см. (Иванов, Овсиенко, Тихонов, Ясинский, 2011)). Правительство же на фоне громких заявлений о модернизации экономики, новой индустриализации, создании 25 млн новых высокотехнологичных рабочих мест не только не препятствовало такому поведению бизнеса, но и само инвестировало выросшие в эти годы бюджетные доходы не в создание новых современных рабочих мест (в том числе в бюджетном секторе, обеспечив, например, рост занятости в здравоохранении до уровня экономически развитых стран), а в иностранные ценные бумаги.

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

В рассматриваемом периоде динамика реальных располагаемых среднедушевых доходов населения (табл. 8) в целом была сходной с динамикой реальной начисленной заработной платы работников организаций. В 1992 г. доходы населения по сравнению с 1991 г. снизились почти в 2 раза и оставались на таком же низком уровне до начала 2000-х годов. В первой половине 2000-х годов наблюдался быстрый рост доходов, в результате чего в 2006 г. их величина достигла дореформенного уровня, а к 2012 г. превысила его на треть. В то же время, согласно данным официальной статистики, уровень дифференциации доходов населения вплоть до второй половины 2000-х годов был существенно ниже по сравнению с дифференциацией заработной платы. Парадоксальность данной ситуации заключается в том, что оплата труда наемных работников

⁹ Следует отметить, что в здравоохранении, в отличие от большинства других отраслей экономики, внедрение новых технологий ведет не к сокращению, а к увеличению численности занятых. Этот общепризнанный факт, по-видимому, не известен или игнорируется российскими “реформаторами”, о чем свидетельствует практика проводимой в последние годы так называемой “оптимизации”, в результате которой происходит сокращение численности персонала медицинских учреждений.

Таблица 8. Показатели динамики денежных доходов населения

Год	Реальные располагаемые доходы, % к 1991 г.	Коэффициент фондов	Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %
1992	52	8,0	34
1993	61	13,5	31
1994	69	15,2	22
1995	59	13,5	25
1996	59	13,3	22
1997	62	13,6	21
1998	52	13,8	23
1999	46	14,1	28
2000	52	13,9	29
2001	56	13,9	28
2002	62	14,0	25
2003	72	14,5	20
2004	79	15,2	18
2005	89	15,2	18
2006	101	15,9	15
2007	113	16,7	13
2008	118	16,6	13
2009	119	16,6	13
2010	126	16,6	12
2011	127	16,2	13
2012	133	16,4	11

является основной статьей доходов населения, а дифференциация других видов доходов (кроме социальных трансфертов) – выше дифференциации заработной платы¹⁰. В этой связи следует отметить, что рассчитываемые государственными статистическими органами показатели дифференциации доходов населения представляются достаточно спорными и явно недооценивают ее фактический уровень. Это обстоятельство следует учитывать при анализе данных как представленных в табл. 8, так и приводимых нами далее показателей официальной статистики.

Следует также отметить, что в условиях значительного изменения дифференциации доходов (в дореформенный период коэффициент фондов составлял около 4) динамика среднедушевого дохода не характеризует правильно динамику уровня жизни наиболее массовых слоев населения. Для этого необходимо использовать показатель модального, т.е. наиболее типичного, уровня дохода. Если исходить из официальных данных Росстата, в 2010 г. среднедушевые доходы составили 126%, а средняя заработная плата – 114% к уровню 1991 г. В то же время расчеты показывают, что в соответствии с официальными данными об изменении в этот период дифференциации доходов и заработной платы модальный денежный доход составил в 2010 г. лишь 66%, а модальная заработная плата – 78% к уровню 1991 г. Другими словами, это означает, что и по прошествии 20 пореформенных лет большая часть российского населения была беднее, чем в советский период.

¹⁰ Так, по данным А. Суворова и Г. Сухоруковой, коэффициент фондов для доходов от собственности составлял в 2007 г. 127,9 (Суворов, Сухорукова, 2009).

Таблица 9. Показатели уровня бедности населения России, % общей численности населения

Показатель	2001	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Доля населения с доходами ниже 60% медианного дохода	24,3	25,2	26,0	25,7	25,6	25,6	25,6	25,6
Доля населения с доходами ниже 50% медианного дохода	17,2	18,0	18,9	18,8	18,8	18,8	18,8	18,8

Высокий рост совокупных доходов населения в 2000-е годы даже при росте их дифференциации не мог не привести к существенному снижению доли населения с доходами ниже установленного в России прожиточного минимума (см. табл. 8). Следует, однако, отметить, что данный стандарт бедности был впервые введен в 1992 г. как физиологический минимум – “прожиточный минимум на период кризисного развития экономики”. Используемая для расчета этого минимума потребительская корзина претерпела в последующие годы (в стоимостном выражении увеличение составило порядка 30%) лишь незначительные изменения. Представляется поэтому неоправданно высоким и нынешний показатель доли населения с доходами ниже установленного прожиточного минимума. Более того, по данным Росстата уровень бедности населения России, исчисляемый в соответствии с наиболее часто применяемым международным стандартом (доля населения с доходами ниже 60% медианного среднедушевого дохода), не только не сократился, но в 2000-е годы даже несколько повысился. Аналогичная тенденция наблюдалась и при использовании стандарта в 50% медианного среднедушевого дохода, также используемого в межстрановых исследованиях (табл. 9). Применение указанных стандартов бедности позволяет, таким образом, проводить сравнительную оценку уровня бедности населения разных стран. Такое сравнение показывает, в частности, что уровень бедности населения в России существенно выше, чем в странах Евросоюза, в том числе выше, чем в бывших социалистических странах и странах – бывших республиках СССР.

Одно из следствий высокого уровня бедности российского населения состоит в том, что во многих семьях не удовлетворяется насущнейшая потребность людей – потребность в полноценном питании. Об остроте данной проблемы свидетельствует, в частности, тот факт, что, по данным статистики, около трети рожениц в стране страдают анемией, к числу основных причин которой относится прежде всего неполноценное питание (недопотребление мяса, рыбы, овощей, фруктов). В свою очередь, недоедание во время беременности негативно сказывается на здоровье будущего ребенка.

Не менее распространено в России и такое позорное явление, как хроническое недоедание детей из бедных семей. В результате ежегодно из-за недостаточной массы тела вследствие хронического недоедания военно-медицинские комиссии предоставляли молодым людям отсрочки от службы в армии. В 2006 г., например, такие отсрочки были предоставлены более 40 тыс. призывников, а среди призванных на военную службу было немало новобранцев с дефицитом массы тела, для которых в армии организовывались своего рода “откормочные” пункты, где эти солдаты обеспечивались полнотарной нормой довольствия (Минобороны..., 2006).

В связи с вышесказанным следует отметить, что среднедушевое потребление основных поддерживающих белок продуктов питания в современной России не только не увеличилось, но и сократилось по сравнению с дореформенным периодом (табл. 10). Учитывая же значительно выросшую дифференциацию доходов и, соответственно, расходов населения, потребление белка в наибольшей степени сократилось в наименее обеспеченных семьях¹¹. Потребление мяса и мясопродуктов, овощей и фруктов в России в настоящее время существенно ниже, чем в большинстве европейских стран, несмотря на то что около трети всех потребительских расходов населения России приходится на покупку продовольствия, что в 2 раза выше данного показателя в странах Евросоюза.

¹¹ Согласно расчетам на основе данных ОБДХ в 2012 г. среднедушевые расходы на покупку мяса и мясопродуктов, рыбы и рыбопродуктов, яиц, молока и молочных продуктов в домохозяйствах первого квинтиля (20% семей с наименьшими доходами) были почти в 2 раза меньше, чем в среднем по всем домохозяйствам.

Таблица 10. Потребление основных продуктов питания животного происхождения населением России в 1990 г. и 2012 г. (на душу населения, кг)

Продукт	1990	2012	2012, % к 1990 г.
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	69	68	98
Рыба и рыбопродукты	20,3	15,5*	76
Яйца, штук	297	278	94
Молоко и молочные продукты	386	249	64

* 2010 г.

Таблица 11. Показатели динамики расходов населения на приобретение товаров и оплату услуг (в постоянных ценах), % к 1991 г.*

Год	Расходы на приобретение товаров	Расходы на оплату услуг	Суммарные расходы на приобретение товаров и оплату услуг
1992	67	82	66
1993	68	57	65
1994	68	36	63
1995	64	29	58
1996	64	28	58
1997	67	29	61
1998	65	29	59
1999	61	31	56
2000	64	32	60
2001	74	33	67
2002	81	34	73
2003	88	37	79
2004	99	40	89
2005	113	42	101
2006	129	46	115
2007	150	50	128
2008	171	52	142
2009	162	50	134
2010	172	61	143
2011	185	53	155
2012	196	55	162

* С корректировкой данных за 1992 г. (о необходимости такой корректировки и ее методе см. (Иванов и др., 2008)).

Динамика потребительских расходов населения в 1990–2000-х годах (табл. 11) в целом была сходной с динамикой доходов. Следует, однако, отметить два отличия. Во-первых, в 1990-е годы падение потребительских расходов было менее значительным по сравнению с доходами населения вследствие сокращения обязательных платежей и сбережений: доля последних в доходах снизилась к 1998 г. в три раза. Во-вторых, начиная с середины 2000-х годов темпы роста потребительских расходов стали существенно опережать темпы роста доходов населения, что было

Таблица 12. Структура расходов населения России на приобретение товаров и оплату услуг в 1991 и 2011 г., %

Показатель	1991	2011	
		в текущих ценах	в ценах 1991 г.
Продовольственные товары*	37,3	37,0	42,7
Непродовольственные товары	51,0	41,5	53,3
Услуги	11,7	22,5	4,0
Все расходы	100,0	100,0	100,0

* Включая алкогольные напитки и табачные изделия.

обусловлено в первую очередь бурным ростом системы потребительского кредита. В результате, по данным ОБДХ, в 2012 г. более 30% семей имели долг по кредиту.

Как видно из данных, приводимых в табл. 12, основное отличие структуры потребительских расходов в текущих ценах в 1991 г. и в 2011 г. заключается в двукратном росте доли расходов на оплату услуг. Это свидетельствует, однако, не об улучшении структуры потребления российского населения, а лишь об опережающем росте тарифов на услуги. При пересчете в постоянные цены картина принципиально меняется: при росте расходов на продовольственные и непродовольственные товары доля услуг в общем объеме потребления в 2011 г. по сравнению с 1991 г. сократилась более чем в два раза. Несмотря на значительный рост расходов в 2000-е годы, россияне значительно сократили по сравнению с дореформенным периодом потребление многих видов услуг. Например, число пассажиров транспорта общего пользования снизилось более чем в два раза, число посещений театров и музеев – более чем в 1,5 раза, а кинотеатров – на порядок, численность детей, посещающих дошкольные учреждения, – в 1,6 раза.

Сравнительный межстрановой анализ показывает, что большая часть российского населения, имея крайне низкие доходы, и в период потребительского бума характеризовалась крайне примитивной структурой потребления, которая практически не отличалась от структуры потребления населения развивающихся стран, уровень экономического развития которых в разы ниже российского. Значительное сходство в структуре потребления с населением экономически развитых стран имели только наиболее обеспеченные жители России (Иванов и др., 2008). Отметим при этом, что богатые россияне значительную часть своих доходов вывозят и расходуют за рубежом. Следует также иметь в виду, что в потребительских расходах не учтены расходы на приобретение недвижимости.

Сохраняющийся высоким уровень бедности российского населения объясняется несколькими причинами: неоправданно заниженным минимальным размером оплаты труда (МРОТ), отсутствием эффективной системы социальных пособий, низким размером пенсий, большой численностью занятых в неформальном секторе.

Несмотря на неоднократное повышение в 2000-е годы, действующий в настоящее время в России МРОТ (5554 руб./мес. в 2014 г.) значительно уступает даже величине прожиточного минимума трудоспособного населения (8834 руб./мес. во II кв. 2014 г.). Это означает, что минимальная заработная плата в России в настоящее время не гарантирует удовлетворения минимально необходимых потребностей, т.е. физиологического минимума, что недопустимо с точки зрения здравого смысла и противоречит не только рекомендациям Международной организации труда, но и нормам Трудового кодекса РФ, согласно ст. 133 которого МРОТ не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения. Следует отметить в этой связи, что среди 192 стран – членов ООН, ранжированных по величине показателя отношения МРОТ (в годовом исчислении) к величине ВВП в расчете на душу населения, Россия занимает место в последней десятке, соседствуя с такими странами, как Киргизия, Мавритания, Свазиленд, Уганда, уровень экономического развития которых в разы или на порядок ниже, чем в России (Иванов, Суворов, 2012).

Неоправданно низкий МРОТ является одной из главных причин того, что в России, в отличие от большинства других стран, среди наиболее бедных преобладают семьи, в которых боль-

Таблица 13. Величина и структура расходов на выплату семейных и материнских пособий в 2000 и 2012 г. в ценах 2000 г.

Расходы	2000	2012
Расходы на выплату семейных и материнских пособий, млрд руб.		
Всего	27,0	92,2
Из них:		
по беременности и родам	3,7	24,7
при рождении ребенка	1,5	6,7
по уходу за ребенком до 1,5 года	1,8	43,3
ежемесячное пособие на детей до 16 лет	19,9	13,9
Расходы на выплату семейных и материнских пособий, %		
Всего	100	100
Из них:		
по беременности и родам	14	27
при рождении ребенка	6	7
по уходу за ребенком до 1,5 года	6	47
ежемесячное пособие на детей до 16 лет	74	15

шинство членов семьи работает. Так, по данным ОБДХ, в 2012 г. среди домохозяйств с доходами ниже прожиточного минимума 60% составляли домохозяйства с двумя и более работающими, а среди крайне бедных семей (с доходами ниже половины прожиточного минимума) семьи с двумя и более работающими составляли более 57%.

Наблюдаемое в последние годы увеличение рождаемости, являясь, безусловно, положительной тенденцией для России, в которой начиная с 1992 г. и до недавнего времени происходила депопуляция, создает в то же время предпосылки роста числа малообеспеченных семей. Это объясняется тем, что дети представляют собой группу самого высокого риска бедности: по данным ОБДХ, индекс риска бедности детей до 16 лет в 2012 г. составлял 1,48. Другими словами, в общей численности детей доля детей из семей с душевыми доходами ниже прожиточного минимума почти в полтора раза выше доли всего населения с такими доходами. Вместе с тем социальная помощь малообеспеченным семьям с детьми в настоящее время является явно недостаточной. Несмотря на то что суммарные расходы на выплату семейных и материнских пособий в 2012 г. увеличились в постоянных ценах в 3,5 раза по сравнению с 2000 г., по отношению к ВВП они составили в 2012 г. всего 0,5%, что в 4 раза ниже соответствующего показателя для стран Евросоюза. Более того, расходы на выплату ежемесячных пособий на детей до 16 лет, которые и представляют собой основной вид социальной помощи малообеспеченным семьям с детьми, не только не выросли, но и сократились почти на треть. Это объясняется кардинальными изменениями в структуре семейных и материнских пособий, основной функцией которых стало стимулирование роста рождаемости при очевидном игнорировании необходимой поддержки детей из бедных семей (табл. 13). Подобная практика представляется явно необоснованной, если не сказать, порочной. Уровень благосостояния детей является одним из важнейших факторов того, насколько человек преуспеет во взрослом возрасте, какое образование он получит, сколько он будет зарабатывать, какое у него будет здоровье и т.п. По этой причине социальная помощь семьям с невысокими доходами, имеющим детей, должна рассматриваться в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики. Кроме того, недостаточный размер такой помощи способен стать фактором, препятствующим росту рождаемости, девальвируя тем самым возросшие расходы государства, направляемые на его стимулирование.

В настоящее время Росстат не относит пенсионеров к группе высокого риска бедности. Действительно, если исходить из того, что бедными являются только пенсионеры с доходами ниже установленного для них физиологического прожиточного минимума¹², то средний размер назначенных пенсий в результате валоризации пенсионных прав в 2010 г. стал превышать уровень

¹² Установленный для пенсионеров прожиточный минимум на четверть ниже прожиточного минимума трудоспособного населения.

прожиточного минимума пенсионера более чем в полтора раза. Соответствующий показатель в 2012 г. составил 176%. Однако если исходить из принятого международного стандарта бедности (доходы ниже 60% среднедушевого медианного дохода населения), то средний размер пенсий в настоящее время (9040 руб. в месяц в 2012 г.) ниже этого порога (10 200 руб.). Это означает, что абсолютное большинство неработающих пенсионеров (численность которых составляла в 2012 г. 26,9 млн)¹³ относится по международному стандарту к бедному населению. Следует также указать, что коэффициент замещения (отношение размера пенсии к размеру заработной платы) даже в последние годы был ниже минимально рекомендованного Международной организацией труда – 40%¹⁴.

Низкий размер пенсий в России обусловлен несколькими причинами. Во-первых, тем, что многие работники организаций получают низкую заработную плату, с которой и начислялись пенсионные страховые взносы. Во-вторых, до последнего времени применялась регрессивная шкала пенсионных взносов, при которой они начислялись лишь на сумму заработков, не превышающую определенный предел. В 2011 г. этот предел составлял 463 тыс. руб. в год, в результате чего, согласно нашим расчетам, на основе данных о распределении численности работников организаций по размеру начисленной заработной платы, “недобор” страховых взносов составил около 20%. И, наконец, тем, что база пенсионных страховых взносов постоянно сокращалась в результате снижения численности занятых в организациях при росте численности занятых в неформальном секторе, страховые взносы с доходов которых выплачиваются в минимальном размере или совсем не выплачиваются.

Высокая численность занятых в неформальном секторе не только препятствует снижению уровня бедности пенсионеров. Представляется обоснованным предполагать, что большая часть занятых в этом секторе экономики, в первую очередь наемных работников, имеют доходы ниже черты бедности по вышеуказанному международному стандарту. На это указывают как данные, приводимые в табл. 7, так и результаты исследований (Лукьянова, 2013; Россия: неформальная занятость..., 2014), согласно которым средние заработки (доходы) занятых в неформальном секторе меньше, а уровень их дифференциации выше, чем в организациях. По нашим оценкам, не менее половины занятых в неформальном секторе имеют доходы ниже 60% среднедушевого медианного дохода населения.

Как уже отмечалось выше, данные официальной статистики о дифференциации доходов населения представляются достаточно спорными, недооценивающими ее фактический уровень. Соответственно, спорными являются и рассчитываемые государственными статистическими органами показатели распределения населения по уровню доходов. В соответствии с этими показателями расчетная численность населения с доходами ниже 60% среднедушевого медианного дохода составляла в 2012 г. 25,6% (см. табл. 9), или 36,6 млн человек. В то же время, согласно данным Росстата о распределении численности работников организаций по размеру начисленной заработной платы и нашим оценкам числа пенсионеров и занятых в неформальном секторе с вышеуказанными доходами, общая численность бедного населения (без учета несовершеннолетних детей и лиц, не имевших доходных занятий) составляла в 2012 г. не менее 43 млн человек, или около 30% всего населения.

Значительное занижение численности бедного населения в рассчитываемых Росстатом показателях макростатистики доходов означает, что одновременно занижаются уровень дифференциации доходов населения и величина доходов наиболее обеспеченных россиян. Зарубежные исследования, проведенные в последние годы, свидетельствуют о том, что уровень неравенства в распределении доходов определяется в первую очередь степенью концентрации доходов у немногочисленной группы наиболее богатых граждан (Atkinson, Leigh, 2010; Harjes, 2007; Saez, 2013). Так, например, в США на долю 1% самых богатых приходится в настоящее время почти

¹³ Численность неработающих пенсионеров, получающих пенсию выше ее среднего размера, незначительная и составляет, по нашим оценкам, не более 20% общей численности неработающих пенсионеров.

¹⁴ В 2012 г. отношение среднего размера пенсии к среднему размеру заработной платы составляло 34%, а в 2003–2009 гг. этот показатель не превышал 30% и имел тенденцию к снижению.

пятая часть, а на долю 10% наиболее обеспеченных – около половины совокупных (до налогообложения)¹⁵ доходов населения (Saez, 2013).

Имеются основания полагать, что подобная концентрация доходов характерна и для России. Показатели уровня дифференциации доходов в обеих странах весьма близкие: коэффициент фондов в США равен 15,9, а коэффициент Джини – 0,45, в России – 16,4 и 0,42 соответственно. По данным журнала “Форбс”, Россия в 2012 г. по числу долларовых миллиардеров уступала только США, а по данным компании Boston Consulting Group, численность долларовых миллионеров в России составляла 180 тысяч. Заработная плата законодателей и федеральных чиновников в России не ниже, чем в США (в пересчете по паритету покупательной способности). Судя по сообщениям СМИ, аналогичная ситуация наблюдается и в отношении доходов топ-менеджеров компаний, звезд шоу-бизнеса и спорта.

Оценка уровня концентрации доходов и их размеры у наиболее богатых россиян была принята в последние годы в двух известных нам исследованиях. Одно из них проводилось Российской экономической школой и Citigold (Finmarket, 2010). Согласно данным этого исследования на долю 990 тыс. наиболее обеспеченных россиян (менее 1% населения) в 2009 г. приходилось 25% доходов всего населения страны. Другими словами, уровень концентрации доходов в России, по данным этого исследования, оказался даже выше, чем в США. Значительно более скромно оценивают доходы наиболее богатых жителей страны авторы исследования, проведенного в 2012–2013 гг. в Центре стратегических исследований (ЦСИ) компании “Росгосстрах” (Численность среднего класса..., 2013). Согласно оценке Центра, которая была сделана на основании анализа рынков недвижимости, автотранспорта и других товаров и услуг различных ценовых категорий, доходы 1,3% российский семей составляли 10,4%, а доходы 6,5% семей – 25,9% всех доходов населения. Расчеты по данным ОБДХ показывают, однако, что даже при такой “скромной” оценке доходы указанных 6,5% в полтора раза превышают суммарные доходы половины населения страны (1–5 децили). Столь большая дифференциация доходов и является основной причиной низкого уровня жизни большей части жителей России.

Еще одним подтверждением этого вывода служит также анализ жилищных условий населения. Несмотря на то что в 2000–2012 гг. в стране были построены жилые дома общей площадью 639 млн кв. м, а средняя обеспеченность жильем выросла до 23,4 кв. м на человека, жилищные условия большинства семей не улучшились. В 2011 г., по данным Комплексного исследования условий жизни населения, размер жилой площади в расчете на члена семьи с детьми до 18 лет составлял всего 12,3 кв. м. В 2012 г., по данным ОБДХ, не считали свои жилищные условия хорошими около 40% населения. На начало 2012 г. численность населения, проживающего в не оборудованном водоснабжением жилье, оценивалась в 29,2 млн человек, канализацией – 34,9 млн, отоплением – 22,2 млн человек. Общая площадь ветхого и аварийного жилищного фонда увеличилась за пореформенный период более чем в три раза.

С переходом на рыночные отношения улучшение жилищных условий стало недоступно для абсолютного большинства населения из-за необоснованно высоких и постоянно возrastавших на протяжении 2000-х годов цен на рынке жилья. При этом наблюдалась парадоксальная, на первый взгляд, картина: одновременно с ростом цен на жилье росла и средняя площадь построенных квартир. Такая ситуация может объясняться тем, что приобретали жилье в большинстве своем только самые богатые россияне, для которых такие покупки стали разновидностью престижного потребления и одновременно инвестициями в высоколиквидные активы в условиях быстрого роста цен на недвижимость. Другими словами, высокий спрос на жилье со стороны наиболее обеспеченных семей в значительной степени как раз и подталкивал рост цен, делая жилье все менее доступным для остальных граждан. Данная гипотеза подтверждается проведенным нами небольшим выборочным обследованием размера площади находящегося в собственности жилья в семьях, относящихся, в соответствии с вышеприведенными данными ЦСИ Росгосстраха, к числу наиболее обеспеченных.

¹⁵ Уровень дифференциации располагаемых доходов в США, как и почти во всех странах, существенно снижается в результате применения высокой ставки налогообложения крупных доходов; Россия же, в которой установлена плоская шкала подоходного налога и низкая ставка налога на дивиденды, является исключением из этого правила.

На основе опубликованных деклараций о доходах и имуществе членов Правительства РФ, Правительства Москвы, лиц, замещающих государственные должности и должности федеральной государственной гражданской службы в Администрации Президента РФ, а также их супруг(ов) и несовершеннолетних детей, мы сделали выборку семей с доходами, соответствующими выделенным в исследовании ЦСИ Госстраха трем доходным группам наиболее обеспеченных россиян: от 6 до 9 млн руб. в год, от 9 до 30 млн руб. в год и свыше 30 млн руб. в год. В выборку по этим критериям были включены всего 100 семей. В первой группе (44 семьи) средняя площадь находящихся в собственности жилых помещений в расчете на одного члена семьи составила 122,9 кв. м, во второй группе (24 семьи) – 170,9, в третьей группе (22 семьи) – 333,7. Экстраполируя полученные данные на численность семей в каждой из трех выделенных ЦСИ Госстраха групп, получаем, что общая площадь жилых помещений, находящихся в собственности у 1,3% российских семей, равна 293 млн кв. м, или более 10% общей площади жилых помещений, находящихся в собственности всех россиян. Существует основание полагать, что большинство жилых помещений, собственниками которых являются 1,3% семей, были построены в 2000-е годы, а их общая площадь составила не менее четверти общей площади жилья, построенного в эти годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гимпельсон В.Е., Зудина А.А.** (2011). “Неформалы” в российской экономике // *Демоскоп Weekly*. № 483–484.
- Депозиты спасли богачей (2010). [Электронный ресурс] Финмаркет. Режим доступа: www.finmarket.ru/main/article/1465046, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: октябрь 2014 г.).
- Иванов В.Н., Овсиенко Ю.В., Сухова Н.Н.** (2014). Социальная сфера России в 1990–2000-е годы (демографические проблемы) // *Экономика и математические методы*. Т. 50. № 2. С. 3–15.
- Иванов В.Н., Овсиенко Ю.В., Тихонов А.О., Ясинский Ю.М.** (2014). Сравнительный анализ институциональной и экономической динамики России и Белоруссии (2000-е годы) // *Экономика и математические методы*. Т. 47. № 3. С.3–18.
- Иванов В.Н., Суворов А.В.** (2012). Задачи снижения уровня бедности и стимулирования потребительского спроса в российской экономике // *Проблемы прогнозирования*. № 4. С. 100–117.
- Иванов В.Н., Суворов А.В., Сухорукова Г.М., Болдов О.Н.** (2008). Сдвиги в объеме и структуре потребительских расходов населения России в 1990-х – 2000-х годах // *Научные труды ИНИП РАН*. Вып. 49. С. 528–542.
- Капелюшников Р.И.** (2005). Занятость в домашних хозяйствах населения. М.: Высшая школа экономики, препринт WP3/2005/01.
- Лукьянова А.Л.** (2013). Неравенство заработков: фактор неформальности (2000–2010 гг.) // *Экономический журнал ВШЭ*. № 2. С. 212–237.
- Минобороны: 40 тыс. призывников получили отсрочки из-за хронического недоедания (2006). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/11jun2006/40t.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: октябрь 2014 г.).
- Россия: неформальная занятость как новый феномен (2014). [Электронный ресурс] Сбербанк России. Режим доступа: www.nwab.ru/content/data/store/images/f_576_43527_1.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: октябрь 2014 г.).
- Суворов А.В., Сухорукова Г.М.** (2009). Методы построения дифференцированного баланса денежных доходов и расходов населения и прогнозные расчеты на его основе // *Проблемы прогнозирования*. № 5. С. 35–50.
- Численность среднего класса в России (2013). [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.fa.ru/chair/priklsoc/education/Documents/3_08.%20Численность%20среднего%20класса%20в%20России.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: октябрь 2014 г.).
- Atkinson A., Leigh A.** (2010). The Distribution of Top Incomes in Five Anglo-Saxon Countries Over the Twentieth Century. IZA Discussion Paper No. 4937. Bonn: Institute for the Study of Labor.
- Harjes T.** (2007). Globalization and Income Inequality: A European Perspective. International Monetary Fund Working Paper WP/07/169.

- Health at a Glance (2011). OECD Indicators. OECD Employment Outlook, 2014. OECD Publishing.
- Saez E.** (2013). The Evolution of Top Incomes in the United States (Updated with 2012 preliminary estimates) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://eml.berkeley.edu/~saez/saez-USstopincomes-2012.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: октябрь 2014 г.).
- World Bank (2014). Researchers in R&D (per million people) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.SCIE.RD.P6/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: октябрь 2014 г.).

Поступила в редакцию
09.09.2014 г.

Russian Social Sphere in the 1990s and 2000s (Labor Activity and Standard of Living)

V.N. Ivanov, Yu.V. Ovsienko, N.N. Sukhova

The second article in the series of publications on the analysis of the Russian social sphere development processes in the 1990s and 2000s presented. The trends in labor activity of the Russian population, employment in the sectors and industries as well as living conditions of various population groups and the level of income inequality are analyzed.

Keywords: social sphere, development trends, labor activity, labor market, the informal sector, income distribution, the level of poverty.

Classification JEL: I00.